

Костко Наталья Анатольевна

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общей и экономической социологии Финансово-экономического института, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, n.a.kostko@utmn.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00305 «Социальное пространство умного города: методология управления развитием и социального конструирования».

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УМНОГО ГОРОДА:
ПОКАЗАТЕЛИ КОНСТРУИРОВАНИЯ**

Урбанизация рассматривается как вектор развития современного общества. Исследование городов начинается с исследования современного типа общества, который получил свое название как информационный. При характеристике акцент сделан на цифровизацию и информатизацию общества, а также на значение и влияние изменений во всех сферах жизнедеятельности. Отсюда, описание современности в терминах текучего [Амин, Трифт, 2002], ускоряющегося [Terlouw, 2012], индивидуализирующегося [Бауман, 2005] общества.

Все эти явления и процессы сконцентрированы в городах. Города аккумулируют ресурсы и капиталы развития. Определяющий капитал современного информационного типа общества: человеческий, обеспечивающий накопление знания высочайшего уровня и действенность сложнейших форм производственной деятельности во всех сферах жизнедеятельности. В условиях нестабильности и неопределенности города активно поддерживают и развивают свою функцию локомотива развития, с опорой на внутренние ресурсы, часто не материального свойства, встраиваясь в механизмы, связи, отношения глобализирующегося мира. Актуализируется значение городов второго эшелона как центров территориального/регионального развития через формирование

и удержание главного ресурса — человеческого. Отсюда особое внимание на управление развитием, на создание условий, обеспечивающих это удержание.

Этот вопрос в фокусе внимания многих стран, но он особенно актуален в нашей стране. Объективные данные о дисперсном территориальном размещении крупных российских городов, их малого количества и незначительной численности людских ресурсов (особенно на востоке страны), подводят к мысли о том, что при сложившихся обстоятельствах потребность в новых концепциях и моделях управления только возрастает. На сегодня, библиометрический анализ научной литературы показывает, что умный город является доминирующей категорией среди 12 ключевых современных городских концепций [Joss et al., 2017].

Можно отметить, что уже сейчас наблюдается дискуссия относительно данной концепции. Академическая литература по умным городам определила ряд возникающих тем и критических точек зрения: технократизм городского управления; инновации умного города и устойчивое развитие; вызовы и угрозы, которые входят в городскую жизнь вместе с реализацией концепции умного города; тема гражданственности и экспериментального урбанизма с пространствами и т.д. [Joss et al., 2019. P. 5].

Для целей исследования социального пространства города значимым является такой элемент концепции «умный город» как умный горожанин. Прослеживается прямая зависимость между характеристиками горожанина, его адаптационными способностями к современным условиям цифровизации жизни и реализацией, развитием, результативностью концепции «умный город».

Среди значимых характеристик умного горожанина (помимо человеческого капитала) выделяются: городская идентичность, нормы доверия, сплоченности и коллективизма в прямой связке с его активистской городской деятельностью, что в совокупности определяет характер развития социального пространства города в рамках концепции умного города.

Социальный компонент модели «умный город» в лице умного горожанина может быть реализован через его социальную активность, соучастие в управлении по реализации целей цифровизации общества. Достижение данной целевой установки обеспечивается при обоюдном вкладе и действенности государства и индивидов. Вклад государства, органов власти разных уровней в данной работе не рассматривается. Основное внимание обращено на горожан, субъектов социального действия, на социальные ресурсы города.

Причем, если говорить академическим языком, фокус внимания (прежде всего в управлении развитием города) обращен не столько на то, как индивиды рассматриваются в роли тех, чья активность направлена на встраивание в социальные структуры, адаптацию к заданным извне условиям и требованиям социальной среды, а как на активный социальный субъект [Как люди делают себя..., 2010]. Реализация концепции «умный город» предполагает не просто принятие этой концепции горожанами, использование технологий умного города для целей потребления, что определенно характеризует рост качества жизни. Особое значение приобретает роль человека в реализации этой концепции, носит ли она подчиненный характер, или же человек выступает реальным субъектом в городских отношениях между всеми заинтересованными сторонами процесса городского развития.

Данный подход лег в основу научного проекта «Социальное пространство умного города: методология управления развитием и социального конструирования». Исследовательские вопросы связаны не только с определением показателей, характеризующих состояние социального пространства города, но и с установлением характера их взаимовлияния друг на друга.

Теоретический каркас проекта построен на теоретизации понятия городского социального пространства с тремя основными слоями анализа: дискурс об умном городе, дающий представление об идее «умности» в развитии городских сообществ, теориях социальной идентичности, теории участия, дающей

критический взгляд на формы и функции участия граждан в процессах развития. Кроме того, основанием для исследования принято положение о возможности конструирования социального пространства города через его базовые показатели: социальную активность, городскую идентичность, нормы доверия и коллективизма горожан.

Тезисно остановлюсь только на части показателей, которые исследуются в проекте. Социальная активность горожан анализируется через проявления городских практик. Городские практики, это низовые проявления активности горожан, которые имеют свои особенности и отличия от активности организованных сообществ и групп, исследуется их характер и направленность.

Значимым является не столько сам факт наличия/отсутствия городских практик, сколько их социально-смысловое содержание и социально-смысловое содержание отношений между органами власти управления и горожанами, другими субъектами городской жизни. Фокус направлен на поиск синхронизации, совпадения практик и отношений. С другой стороны, внимание обращено на установление наличия/отсутствия использования горожанами технологий умного города в своих городских практиках, в том числе для участия в управлении городом. По предварительным данным по г. Тюмени, горожане активно используют технологии умного города, но не для проявления своей социальной активности, как субъекта управления развитием города.

Далее, городская идентичность горожан и идентичность города не отождествляются, и акцент сделан на определение точек сопряжения между двумя видами. Городская идентичность горожанина и идентичность города обладают свойством взаимовлияния, в случае сопряженности уменьшается диссонанс между городом и горожанином.

Городская идентичность индивидов определяется в сочетании с их деятельностным проявлением.

В рамках проекта принят тезис о том, что городская идентичность горожан конструируется. Причем речь идет о видах идентичности, которые являются реакцией на современные изменения и вызовы времени, которые получили название в литературе как избирательные [Jenkins, 2008. P. 29], тонкие [Terlouw, 2012. P. 710], ситуативные [Rosa, 2013], презентационные [D'Ambrosio, 2019]. Требуется операционализация данных видов идентичностей. Достижение поставленной задачи позволит сформировать ряд показателей и индикаторов городской идентичности горожан, которые могут быть использованы в практике муниципального управления для целей социального конструирования социального пространства города.

Городская идентичность горожан состоит из двух частей: традиционной и ситуационной (здесь же тонкой, презентационной). Традиционная идентичность горожан характеризуется деятельностным отношением к идентичности города, к образу города, к определению своего места и роли в городе. Современная и меняющаяся составная часть городской идентичности горожан операционализируется также через показатели отношения и деятельности: к происходящим изменениям в обществе в целом, к целеориентации развития; к умным технологиям; к изменениям идентичности города; к изменениям в характере отношений между горожанами, степенью индивидуализации, непрочности и кратковременности связей.

Исследование данных показателей позволяет описать характер не только городской идентичности горожан, соотношение между ее частями (традиционной/ситуационной), но и социальный контекст пространства города, его связь с новым цифровым этапом развития общества.

Идентичность города оказывает прямое влияние на формирование городской идентичности горожанина. Изменение идентичности города, сказывается на городской идентичности горожан, на соотношении между ее типами. Объединение двух подходов [Terlouw, 2012; Houtum et al., 2003] дает

расширенное представление о показателях идентичности города. К ним отнесены следующие интерпретационные измерители: стратегическая, культурная, функциональная, территориальная, символическая, институциональная форма.

Наконец, показатели доверия и сплоченности. Используются общепринятые в мировой практике индикаторы мониторинга доверия Едельмана. Исследовательское внимание обращено на установление связи между нормами, характером их проявления у горожан и вышеуказанными показателями социального пространства города.

Литература

Амин Э., Трифт Н. Внятность современного города // Логос. 2002. № 3–4. С. 1–25.

Бауман З. Индивидуализированное общество: пер. с англ. / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.

Как люди делают себя. Обычные россияне в необычных обстоятельствах: концептуальное осмысление восьми наблюдавшихся случаев / под общ. ред. В.А. Ядова, Е.Н. Даниловой, К. Клеман. М.: Логос, 2010. 388 с.

D'Ambrosio P.J. From present to presentation: A philosophical critique of Hartmut Rosa's "situational identity". *Time & Society*. 2019. 28 (3). Pp. 1061–1083. Doi: 10.1177/0961463X18787059.

Houtum H., Lagendijk A. Contextualising Regional Identity and Imagination in the Construction of Polycentric Urban Regions: The Cases of the Ruhr Area and the Basque Country. *Urban Studies*. 2003. 38 (4). Pp. 747–767. Doi: 10.1080/00420980120035321.

Jenkins R. *Social Identity*. Third Edition. London: Routledge, 2008.

Joss S., Cook M., Dayot Y. Smart Cities: Towards a New Citizenship Regime? A Discourse Analysis of the British Smart City Standard // *Journal of Urban Technology*. 2017. 24 (4). Pp. 29–49. Doi: 10.1080/10630732.2017.1336027.

Joss S., Sengers, F., Schraven, D., Caprotti, F., & Dayot Y. The Smart City as Global Discourse: Storylines and Critical Junctures across 27 Cities // *Journal of Urban Technology*. 2019. 26 (1). Pp. 3–34. Doi: 10.1080/10630732.2018.1558387.

Rosa H. *Social Acceleration: a new Theory of Modernity*. New York: Columbia University Press, 2013.

Terlouw, K. From thick to thin regional identities? // *GeoJournal*. 2012. 77. Pp. 707–721. Doi: <https://doi.org/10.1007/s10708-011-9422-x>.